

нение социальных связей и субординации в войсках в начальный период революции, а также прослеживаются закономерности развития революционного процесса в военной среде. Кожевин сопоставляет события этого времени в «Балтийском треугольнике» (Петроград, Кронштадт, Гельсингфорс) и в Москве, анализирует восприятие революции и её ближайших последствий различными группами офицеров. По его мнению, впечатления, произведённые революционным взрывом и первыми преобразованиями, начатыми Временным правительством при участии различных политических партий, вызвали в офицерской среде поиск новой социальной идентичности.

Согласно авторской концепции, поиск этот продолжался несколько месяцев и к началу осени 1917 г. обернулся довольно противоречивыми результатами. Специфика офицерской психологии, корпоративных норм и ценностей не позволяла военным целиком встать на позиции какой-либо партии, отдельные их группы ориентировались на самые разнообразные политические силы. При этом поведение офицеров и штатских политиков значительно отличалось. Об этом свидетельствовали и офицерские съезды в Петрограде и Могилёве, и деятельность общественно-политических организаций, созданных офицерами для обеспечения своих корпоративных интересов и полноценного участия в жизни страны.

В кругах офицеров, выступавших против левых общественных течений, как отмечает Кожевин, постепенно сформировались предпосылки для возникновения той идеологии, которая позднее будет характерна для военно-диктаторских

режимов эпохи Гражданской войны. Так, в «Быховской программе» автор видит синтез офицерской ментальности и опыта, приобретённого командным составом армии за несколько месяцев революции. Создание этого документа, по словам Кожевина, «стало важным рубежом эволюции политического сознания офицерства в 1917 г.» и «ознаменовало фактическое окончание своеобразного переходного периода в истории российского офицерства как особой социальной группы» (с. 259).

Широкий и разнообразный круг источников, а также следование системному и историко-антропологическому подходам и требованиям историзма и междисциплинарности во многом обеспечили успех работы Кожевина. Вместе с тем деятельность офицеров в Советах рабочих и солдатских депутатов и в комитетах общественной безопасности ещё нуждается в специальном исследовании. Никак не освещена в книге и позиция той части офицерства, которая «в поисках новой идентичности» разошлась по «национальным квартирам» и видела в национализме выход из тупика, порождённого разложением русской армии. В целом же выход монографии В.Л. Кожевина открывает новую возможность для продолжения плодотворных дискуссий о судьбах России и её народа в XX в.

Е.С. Сенивская

Примечание

¹ Сенивская Е.С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.

В калейдоскопе русской смуты*

Часто говорят, что новейшая история России похожа на минное поле – столько в ней болезненных и буквально взрывоопасных вопросов. На этом поле петербургский историк А.С. Пученков нашёл для себя, пожалуй, самый опасный участок: национальный вопрос в годы Граждан-

ской войны. Не случайно в предисловии к рецензируемой монографии классик современной петербургской исторической школы Ю.Г. Алексеев отметил: «Немало страниц книги посвящены проблемам, которые как будто переносят нас из прошлого в настоящее: отношения России, –

* Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина. СПб.: Полторак, 2012. 338 с.

а именно в качестве правопреемников Российской империи и воспринимали себя белые, – к государственным новообразованиям, возникшим на территории бывшей империи Романовых... Гражданская война – в этом отношении – продолжается, лишь время от времени переходя в разные, “умеренные” фазы, причём градус насилия в этих “горячих точках” последние десятилетия непрерывно возрастает» (с. 3).

Автор книги не без оснований указывает на отсутствие в годы русской смуты чёткой грани между внешней и внутренней политикой – поэтому его интересуют не только отношения белых с бывшими российскими «инородцами», но и с союзниками по Антанте. Однако очевидно, что в условиях «раскола суперэтнической целостности» русское Белое движение стало лишь одним из элементов революционного калейдоскопа, и поэтому для него вся национальная политика являлась внешней. Она требовала немалого дипломатического искусства, которого у руководства ВСЮР зачастую не оказывалось. Так, по мнению Пученкова, «результаты закавказской политики белых следует признать неудачными». Причина же её неудачи состояла в том, что «национальная и внешняя политика ВСЮР определялись исключительно военным, а не внешнеполитическим ведомством» (с. 138). Разумеется, сыграла здесь роль и психология белых генералов: «привыкшие мыслить категориями традиционного армейского единоначалия и строжайшей дисциплины белогвардейцы с трудом привыкали к необходимости проведения гибкой и не всегда честной дипломатии» (с. 274).

Но в первую очередь провал денikinской национальной политики был связан с идеологией Белого движения, колебавшегося от сформулированного ещё Л.Г. Корниловым во время «быховского сидения» «непредрешенчества» (с. 7) до своеобразного, далёкого от реставраторского, монархизма. Нельзя не согласиться с тем, что «монархизм белых не имел ничего общего с легитимизмом», и «следует различать монархизм как элемент мировоззрения добровольца и монархизм в качестве политической программы» (с. 12). Отсюда возникали сомнения, отравлявшие души участников «русской Вандеи» и удачно

сформулированные генерал-майором Н.В. Шинкаренко: «За что воюем? Против чего – это мы знали и ощущали отчетливо. Против изменников большевиков. Против всего сволочного для нас социализма, под какими бы названиями он ни шёл. Против всех товарищей. И последним пунктом, против всех изменников сепаратистов, как бы они ни звались, украинцами, гетманцами, петлюровцами или ещё как. Тут всё ясно. Но вот за что? Чтобы что именно сделать? Точных мыслей не имел никто из нас. А оставаясь в области неточной и по существу своему инстинктивной, каждый из нас воевал за то, чтобы сделать жизнь и свою и других по возможности похожей на то, что было раньше, до революции. Определялась эта похожесть сообразно вкусам каждого. Но вкусы это мечты. На практике же, подчинение тому, что велит начальство. Непредрешающее» (с. 12).

Идеологической константой, в какой-то мере восстанавливавшей распавшуюся связь времён, для белых стал лозунг «единой и неделимой России». По своему содержанию он восходил к государственному национализму М.Н. Каткова – и это имя не случайно несколько раз появляется на страницах книги. Пученков констатирует, что русский «национализм играл огромную роль в формировании идеологии Белого движения, однако он отнюдь не предполагал этнической исключительности»: «Лозунг “Великая, Единая и Неделимая Россия” не означал “Россия для русских”, не предполагал он и исключения представителей нетитульной нации из дела государственного строительства» (с. 20). Сам Катков был убеждённым сторонником принципа «Россия для русских», но под русскими он понимал всех добросовестных подданных российского императора. «Решительно настаиваем, – заявлял Михаил Никифорович, – что в России нет и не может быть другой национальности, кроме русской, другого патриотизма, кроме русского, причём мы вполне допускаем, что русскими людьми и русскими патриотами могут быть, как и бывали, люди какого бы то ни было происхождения и какого бы то ни было вероисповедания»¹. Не случайно эмигрант еврейского происхождения Л. Барац, обращаясь в 1932 г. к А.И. Деникину, ссы-

лался именно на авторитет Каткова, который «видел в русских евреях прекрасных проводников русской культуры и русского духа в Польше» (с. 302). Таким образом, «обострённый национализм белых» носил «имперский», гражданско-политический характер и был диаметрально противоположен этническому национализму молодых государств-лимитрофов (с. 17). Однако крушение в 1917 г. главного политического института старой России – самодержавия – делало этот имперский национализм в известной степени бессодержательным и беспомощным. В конце концов, где был бы тот же Катков со своей «народной политикой», если бы в 1866 г. его не поддержал сам Александр II?

Говоря об этническом национализме, автор монографии отмечает, что «для белых сфера межнациональных отношений, национальный вопрос отходили на второй план, когда речь шла о политическом подчинении окраин центральной белой власти». При этом «фактор самоопределения национальностей тут попросту не учитывался», а «рост национального самосознания рассматривался исключительно как дурное последствие большевизма» (с. 37). Между тем ещё в XIX в. наблюдательный сподвижник Каткова восклицал: «Вопрос национальностей – вопрос колоссальный, вопрос страшный! Это рычаг Архимедов, который поднимает весь шар земной, переворачивает вверх дном всю историю. Давно ли история и дипломатия заодно, с гордым самодовольствием провозглашали теорию политического равновесия?.. И что же? Карта Европы переворачивается, звук оружия не умолкает; отыскался какой-то новый источник международной вражды: разверзлась Эолова пещера, и из неё, как ураган, вырывается вопрос национальностей!.. И когда этот ураган промчится? На каких заоблачных горах, на каких неизмеримых равнинах успокоится? Какие новые поднимет он громады, в какие песчинки обратит ныне существующие постройки? Смотрите: он смёл воедино Италию; смотрите, как скрипят и натягиваются под его напором ветхие скрепы Австрийской империи, в какой хаос обращает он Турцию, и как из этого хаоса начинает возникать какая-то форма, правда, неясная, но которой однако можно

уже дать имя и, заметим, имя это не то, которое хотела ей дать политика предыдущего века»².

С другой стороны, остальные участники смуты фактор этнонационализма безусловно учитывали и активно его эксплуатировали. «Провозглашённый союзниками принцип национальностей, – писал С.Д. Сазонов П.В. Вологодскому о стремлении Антанты сохранить status quo на Юге России, по крайней мере до падения Советской власти, – облегчая им эту задачу, создаёт для нас серьёзную помеху в стремлении нашем убедить как державы, так и представителей отдельных национальностей в законности и целесообразности наших требований о сохранении их в рамках Русского государства» (с. 34). По-своему считались с «принципом национальностей» и большевики – даже в тех случаях, когда это противоречило их идеологии. «Фактически Совет народных комиссаров дал свободу помимо своей воли не народу, не представителям пролетариата Финляндии, а финляндской буржуазии, которая странным стечением обстоятельств захватила власть и получила независимость из рук социалистов России...», – признавал в своём выступлении наркомнац И.В. Сталин. – Можно ругать Совет народных комиссаров, можно к нему критически относиться, но нет таких людей, которые могли бы утверждать, что Совет народных комиссаров не исполняет своих обещаний, ибо нет на свете той силы, которая заставила бы отказаться Совет народных комиссаров от своих обещаний. Это мы доказали тем фактом, что совершенно беспристрастно отнеслись к требованиям финской буржуазии о предоставлении Финляндии независимости и немедленно приступили к изданию декрета о независимости Финляндии» (с. 57).

Конечно, как указывает автор книги, «конфликты на национальной почве, в которые оказались втянуты белые, нельзя объяснить только неуступчивостью добровольческого командования». Чтобы убедиться в этом, «достаточно заметить совпадение “горячих точек” на политической карте бывшей Российской империи и на территории бывшего Советского Союза. В полной мере это относится к Бессарабии, Грузии, Азербайджану и Северному

Кавказу» (с. 76). Деникинская приверженность «концепции государственного единства России» самими белыми воспринималась как неизбежность. «Все наши союзы с “чужими” силами оказались предательскими, – отмечал в 1920 г. А.В. Карташёв. – Строить на этом гнилом основании более непозволительно. Предадут все, как предали Англия и Эстония. Нет друзей у великой России, кроме нас самих» (с. 15).

«Самоопределение» новообразованных лимитрофов нередко принимало ксенофобский характер. Например, «поведение финнов, видимо, напоминало отношение вчерашнего крепостного к разорившемуся барину». К тому же во всех русских они «видели скрытых большевиков» (с. 60). По справедливому замечанию историка В.Ю. Черняева, в «Финляндии после Гражданской войны 1918 г. власть пыталась с помощью “рюссяфобии” (“*tyssanviha*”), идеологии этнической ненависти к русским, России и всему русскому, скрепить финскую нацию, расколотую кровавой междоусобицей»³. С другой стороны, молодые государства и сами не чуждались имперской политики. Так, Деникин готов был мириться с независимостью Польши, но не с польскими претензиями на малороссийские земли (с. 48). «Отличительной чертой послевоенной Польши, – напоминает Пученков, – было то, что у неё имелись пограничные конфликты со всеми соседними странами. Именно в те годы, фактически в годы русской Гражданской войны, завязались узлы конфликтов, взорвавшие ситуацию почти через два десятилетия. Помимо советско-польских противоречий существовал и германо-польский конфликт по поводу Восточной Пруссии, Данцига (Гданьска) и Силезии, польско-чешские (спор из-за Тешинской области) и польско-литовские (захват поляками Вильно, проект интернационализации Клайпедского порта с фактическим управлением им Польшей) территориальные споры. Совокупность этих конфликтов и привела к катастрофе Польского государства в 1939 г. Победа в советско-польской войне в конечном итоге обернулась для польского народа поражением: окрылённая успехом в войне с РСФСР Польша пыталась и в дальнейшем играть на равных в большой европейской

игре и была уничтожена более сильными хищниками, не рассчитав свои силы и возможности» (с. 56).

Отдельная глава монографии посвящена кавказской политике Деникина. По словам автора, «на территории Закавказья в 1919 г. сталкивались три основные противоборствующие силы: бессильные и видевшие поэтому именно в интервентах главных защитников своей независимости закавказские правительства; Вооружённые Силы на Юге России, боровшиеся за отстаивание интересов России в регионе; и, наконец, интервенты, думавшие лишь об интересах Британии в регионе» (с. 123). В письме к премьер-министру Д. Ллойд Джорджу Деникин сетовал на то, что британская «политика расчленения России проводится с такой жестокой последовательностью»: «В Закавказье Ваши представители с необычайной откровенностью стараются рвать вековые связи этой области с Россией: разговоры о протекторате, давление на Армению, предложение заменить там русских офицеров англичанами, отдача Мугани и Ленкорани, поощрение Грузии и Азербайджана, ясно враждебная нам политика в Батуми» (с. 135).

Грузинское государство (но, разумеется, не народ) предстаёт в книге безусловным противником России (с. 93). Армения же, наоборот – «нашей союзницей против турок и грузин» (с. 108). Несколько курьёзную неоднозначность приобретает позиция Азербайджана: «Судя по всему, идея независимой азербайджанской государственности ещё не успела укрепиться в сознании жителей республики. Новая бюрократия нещадно обирала население. Последнее же, как отмечалось в сводке Освага, с ностальгией вспоминало прежнюю администрацию, ибо “нынешняя состоит сплошь из взяточников”» (с. 131–132). Сложными были отношения деникинской администрации с северокавказскими горами. Не считая их борьбу с белыми классовой, Пученков выявляет преобладание в ней национально-религиозных мотивов, которые лишь усиливались «помощью» Азербайджана и Грузии (с. 150).

От скрупулёзного рассмотрения бесарабского и украинского «вопросов» автор переходит к «вопросу» еврейскому. Изначально, по его мнению, «Деникин, при-

держивавшийся до революции достаточно либеральных взглядов, в целом благожелательно относился к еврейству», чему способствовала и та многонациональная среда, в которой вырос и воспитывался будущий генерал, «однако революция резко изменила всё, включая отношение Деникина к еврейству»: «Деникин оказался в значительной степени подвержен традиционным среди кадрового офицерства взглядам, усматривавшим в российской революции еврейский след... Антисемитизм был принят им на вооружение как инструмент политической борьбы. Так, Деникин не упускал случая назвать настоящую фамилию руководителей большевиков Троцкого, Ларина и других, подчёркивая их национальную принадлежность. Вместе с тем бытовой антисемитизм Деникина отнюдь не означал, что генерал сознательно потворствовал погромщикам. Более того, А.И. Деникин принимал решительные меры по обузданию бесчинствующих белогвардейцев. Выступая перед еврейской депутацией, он заявил “Я не должен вас уверять ни в любви к евреям, ни в вражде к ним; вообще смешно подходить к этому вопросу с такой точки зрения. Я смотрю на еврейский вопрос с точки зрения государственной целесообразности и человечности”» (с. 204).

Еврейские погромы автор, как и В.В. Шульгин, считает симптомом разложения Белой армии и общества в целом: «В ходе Гражданской войны, длившейся на Украине уже два года, значительная часть общества превратилась в деклассированный элемент, стремившийся поправить своё имущественное положение» (с. 208). Любопытно, что и генерал А.М. Драгомиров связывал попустительство погромщикам со стороны белогвардейских военно-полевых судов не с «погромно-черносотенными» симпатиями администрации, а с её «дряблостью с лёгкой руки негодяя Керенского» (с. 260). Деятельности Шульгина, являвшегося одним из идеологов белой национальной политики, в книге уделено самое серьёзное внимание. Комментируя знаменитую статью «Пытка страхом», Пученков вслед за Р.Ш. Ганелиным (ставшим официальным рецензентом книги) отмечает её «умеряющее влияние на погромные настроения» (с. 253). Но при этом автор

анализирует и публицистику видного сиониста Д.С. Пасманика, утверждавшего, что «большевизм и сама власть комиссаров еврейского происхождения ничего общего не имеют ни с еврейскими массами, ни с еврейством» (с. 211).

Антисемитский элемент в пропаганде Освага Пученков связывает прежде всего с особенностями подбора сотрудников данной организации. По свидетельству И.Ф. Наживина, учреждение это «доверху переполнено было маменькиными сынками и теми вездесущими барышнями, которых принято называть шерочками и машерочками и которые с энергией прямо изумительной всюду и везде компрометируют идею женского равноправия и женской трудоспособности... На самом деле то были приюты для многих ловких людей, не желавших идти на фронт, для аферистов, примазавшихся к жирному общественному пирогу, и для туч этих вот барышень и всяких бездарностей мужского пола» (с. 223). Эксплуатируя антисемитские настроения низов Добровольческой армии, подобного рода пропагандисты шли по пути наименьшего сопротивления: «После объявления еврея большевиком и наоборот никаких дополнительных разъяснений уже не требовалось: облик “врага” “Единой, Великой и Неделимой России” становился предельно материален» (с. 228–229).

Автору монографии удалось собрать и изучить колоссальный объём источников, среди них немало ранее не использовавшихся историками архивных материалов. Им тщательно проработаны периодика, мемуаристика, сборники документов. В приложении приведено несколько весьма выразительных текстов: две главы неопубликованной пока книги В.В. Шульгина «1919 год», посвящённые украинскому и еврейскому вопросу; его статья «Пытка страхом» и обращение к комиссару по делам эмигрантов при Лиге наций; письмо к Шульгину А.М. Драгомирова; письмо М.С. Маргулиса к С.Г. Лианозову; статья Л. Бараца «К окраинному и национальному вопросу в России»; подготовленная в 1918 г. записка капитана 1-го ранга Дмитриева о последствиях потери Финляндии. Подобное внимание к источнику в сочетании с хорошим литературным стилем

вполне соответствует традициям петербургской исторической школы. При желании в работе можно найти и некоторые нестыковки, а также неосторожные и не вполне удачные формулировки, но в целом монография А.С. Пученкова является важной вехой в исследовании национального вопроса и Гражданской войны в России.

А.Э. Котов

Примечания

¹ Московские ведомости. 1866. № 24.

² Щербальский П.К. Русско-польский вопрос // Русский вестник. 1861. № 11. С. 29.

³ Черняев В.Ю. О факторах формирования взаимоотношений русских беженцев и изгнанников с властями и населением приютивших стран // Нансеновские чтения. 2007. СПб., 2008. С. 142.

И.Ю. Васильев. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2010. 164 с.

Монография И.Ю. Васильева посвящена малоизученной проблеме – украинскому национальному движению и украинизации на территории РСФСР в первой трети XX в. Известно, что в основу советской национальной политики 1920-х гг. был положен принцип коренизации, позволивший вовлечь местное население национальных республик СССР в работу партийно-государственного аппарата, административно-судебных органов и культурно-просветительных учреждений страны. Одним из региональных вариантов коренизации (наряду с белоруссизацией, мордвинизацией, татаризацией и т.п.) стала украинизация в РСФСР в 1923–1932 гг. Она представляла собой целостную систему мероприятий, направленных на решение украинского вопроса в республике. Именно в это время советская власть признала малороссийское население, проживавшее на территории Кубани, южных уездов Курской и Воронежской губерний, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, отдельным от русских украинским национальным меньшинством. Васильев в своей работе рассматривает украинизацию на Кубани как целенаправленную государственную политику по формированию украинской идентичности (с. 4), предполагавшую, в частности, широкое использование украинского языка и культуры как в области школьного образования, просвещения и науки, так и в сфере государственно-административного управления. Автор поставил целью исследовать, начиная с Февральской революции 1917 г. (когда украинское национальное движение уже

вышло за рамки бывших малороссийских губерний страны), процесс столкновения идентичностей – общерусской основной массы населения Кубани и украинской, навязывавшейся узкой, но активной социальной группой из среды украинофильской казачьей интеллигенции (с. 3).

Васильев выделяет четыре этапа советской украинизации на территории Кубани. На первых трёх этапах (1920–1928 гг.) украинизация проводилась только лишь в сфере деятельности образовательных и культурно-просветительских учреждений «с целью повышения эффективности культурно-политической работы со станичниками Кубани» (с. 26). Началась она с признания необходимости обучения и пропаганды на родном, понятном для местных жителей языке, для чего стали создаваться украинские начальные школы, красные уголки, избы-читальни. Четвёртый, заключительный, этап (1928–1932 гг.), когда происходила украинизация делопроизводства низового советского и административного аппарата власти, Васильев характеризует как «сплошную украинизацию» (с. 41): «Начиная с 1928 г. украинизация принимает всё более агрессивные формы, становится принудительной и всеобщей для Северо-Кавказского края» (с. 24). Как подчёркивает автор, «очень активная, подчас насильственная украинизация всех сфер жизни на Кубани» подстёгивалась властью в 1930 и осенью 1932 г. (с. 106).

В историографическом очерке Васильев охарактеризовал работы по данной проблеме, вышедшие на Кубани за